

*Мария Сергеевна Киселева,
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры русского языка и литературы
ШРМИ ДВФУ*

**«КАРТИНА МИРА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ X–XX ВВ.»
«Отражение национальной картины мира в фольклоре и древнерусской
литературе (X–XVII вв.)» (14 час.)**

Русские народные представления об окружающем мире, выраженные с помощью вербальных и невербальных форм, вобравшие в себя языческие и христианские элементы, являются неотъемлемой частью национального самосознания и находят отражение как в фольклоре, так и в литературе.

Лекция 1 (3 час.):

Архаическое сопоставление мира и тела человека

Окружающий мир ощущался и воспринимался архаическим сознанием через общеизвестные аналогии, в основе которых у древних людей лежало то, что было хорошо знакомо, зачастую – тело животного или человека.

Архаическое соотнесение мира с гигантским телом отражается в сюжете о творении природных объектов из тела чудовища, великана, праматери¹. В русском фольклоре отголоски этих представлений обнаруживаются в сказках на былинный сюжет (**300₁ Победитель змея**) и в духовных стихах, когда после битвы по просьбе героя земля расступается и вбирает в себя вражескую кровь².

¹ Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. 3-е изд., репринтное. – М. : Вост. лит., 2000. – С. 203; Антонян, Ю.М. Великая Мать : реальность архетипа / Ю.М. Антонян. – М. : Университетская книга, Логос, 2007. С. 38; Евсюков, В.В. Мифы о вселенной / В.В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. С. 72.

² Сказки Васюганья : метод. рекомендации для студентов пединститута / сост.

Поглощение землею крови может быть истолковано как окончательное формирование материка, т.е. тела земли, после того, как с него схлынула вода / кровь. Тело убитого врага уже не становится материалом для сотворения земли, но оно настолько велико, что его кровь омывает этот мир, приводя к новому созданию суши. В пользу такого истолкования свидетельствует И.М. Дьяконов, доказывающий, что жертвоприношением (пролитием крови) завершалось сотворение Вселенной в мифологии многих народов³. Вероятно, сохранности древнего мотива способствует поддержка христианства, поскольку миф о потопе, лежащий в основе мотива, характерен для многих культур, является центральным и для Ветхого Завета.

Восприятие окружающего мира как единого живого организма было тесно связано с не менее древним отождествлением земли и человека. Во многих мифологиях одним из древнейших является сюжет о создании творцом первопредка всех людей из земли⁴, либо из глины или камня, как в шумеро-аккадской или египетской. Различные части космоса соотносились с определенными частями тела, что выражало «единство макро- и микрокосма» в народном сознании.

Идея сотворения человека из земли есть не только в архаических верованиях, об этом же говорится в Библии [Быт. 2–7]. Однако христианские представления о связи человека и земли развивают языческие: теперь человек подобен не земле, из которой он сотворен, а своему Творцу, Богу.

В народном сознании проводилась параллель между телом человека и камнями, многие из которых, по народным представлениям, раньше были людьми или другими живыми существами. О наличии длительной традиции почитания камней у славян писал А.Н. Афанасьев⁵, выводы которого М.Н. Мельников. – Новосибирск : Изд-во Пединститута, 1983. С. 57.

³ Дьяконов, И.М. Архаические мифы Востока и Запада / И.М. Дьяконов. – М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 113.

⁴ Соболев, А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания) / А.Н. Соболев. – СПб. : Лань, 2000. С. 71; Криничная, Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора / Н.А. Криничная. – М. : Академический Проект ; Гаудеамус, 2004. С. 9.

⁵ Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М.

подтверждаются дальнейшими исследованиями В.В. Виноградова и Д.В. Громова⁶. Народ верил, что камни способны чувствовать и сопереживать, влиять на судьбы ныне живущих.

Вероятно, почитание камней связано с древними представлениями о творении земли из гигантского тела, кости которого ассоциировались в народном сознании с камнями. Впоследствии аналогия стала проводиться между камнями и костями людей. С принятием христианства архаический сюжет несколько переосмысливается: под влиянием библейского повествования камни соотносятся с костями первого человека – Адама.

В русских сказках, записанных на Дальнем Востоке в 1990 г., камень тесно связан с образом богатыря, является доказательством силы: *«Они жилились – жилились – не могут поднять этот камень. Он подошел, одной рукой поднял, головы выкатил, все» (532 Незнайка (мотивы))*⁷. В тексте сказки «Красавица Зоя и богатырь Амур» (зап. в 1998 г.), заимствованной переселенцами у коренных народов Дальнего Востока, прослеживается архаическая параллель между телом человека и камнем: *«И до того она сердце свое злостью наполнила, что не осталось там тепла, и превратилась девушка в камень»*⁸.

О том, что архаическая параллель между человеком и окружающим миром на протяжении столетий была частью русского народного сознания, свидетельствуют апокрифы – переводные произведения древнерусской литературы, широко распространенные на Руси. Они получили свое широкое распространение в народе во многом благодаря тому, что отражали представления близкие к древним верованиям.

В «Беседе трех святителей» на вопрос о сотворении первого человека

: Современный писатель, 1995. – Т. 2. С. 184.

⁶ Виноградов, В.В., Громов, Д.В. Представления о камнях-валунах в традиционной культуре русских // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 6. – С. 125–143.

⁷ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1990. П. 1. Т. 1 (Б). С. 125–126.

⁸ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1998. П. 2. Т. 15. С. 10.

дается ответ: «<...> 1, отъ земли тѣло, 2, отъ камня кости, 3, отъ Чермнаго моря кровь, 4, отъ солнца очи, 5, отъ облакъ мысль, 6, отъ востока дыхание власы, 7, отъ свѣта дух, 8, самъ Господь вдохнулъ ему душу <...>», в апокрифическом «Сказании, како сотвори Богъ Адама» аналогично описывается творение тела первопредка из земли⁹.

Повествуя о происхождении человека, апокрифы опираются на фольклорную традицию, утверждая, что первый человек творится из элементов Вселенной.

Древние представления постепенно развиваются из мифологического уподобления в тропы, которые способствуют сохранению архаических отголосков. Отголоски отождествления земли и человека сохраняются в метонимии и олицетворении. Так, в записи от 6377 г. (869) «Повести временных лет» читаем: «Крещена бысть вся земля Болъгарская»¹⁰. Подразумеваемая народ, летописец называет его по территории проживания. В «Слове о полку Игореве» упоминается о стене городов: «А вьстона бо, братие, Кыевь тугою, а Чьрниговь напастьми. Тоска разлися по Руской земли <...>»¹¹. Эмоции, общие для жителей одной местности, передаются через ее название.

Отождествляя землю и человека, язычники осознавали природные связи по аналогии с сексуальными отношениями, когда плодородие женщины отождествлялось с плодородием почвы. И тогда, по народным представлениям, «в центре космогонической мифологии стоит божественная иерогамия (священный союз), соитие Неба и Земли, даровавшее существование миру и человеку»¹². Постепенно идея оплодотворения земли трансформируется в обряд, проходящий в деревнях по-разному. В одних

⁹ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 138, 148.

¹⁰ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 38.

¹¹ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 378.

¹² Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С.Д. Домников. – М. : Алетей, 2002. С. 27.

выбирали самую многодетную пару, которая перекатывалась по свежевспаханному полю. В других заседали поле, полностью или частично оголившись. Все это делалось с целью получения богатого урожая. С принятием христианства рождающая сила земли зависит уже от Бога. В народном сознании сохраняется языческая вера в союз неба и земли, после которого земля способна дать жизнь всему вокруг. Христианство же вносит свои коррективы, соотнося небо с Божьим благословением.

Древние славяне поклонялись плодоносящему женскому образу земли, считая ее своей матерью. А.Н. Афанасьев утверждал, что выражение «<...> мать сыра земля означает землю увлажненную, оплодотворенную дождем, и потому способную стать матерью <...>»¹³.

Т.В. Чумакова, анализируя части фрески в церкви Спаса на Нередице, обнаруживает персонифицированный образ Матери-земли¹⁴. Земля изображена в виде женщины, восседающей на льве и держащей в руках чашу с приникшим змеем. Обращают на себя внимание такие элементы росписи, как змея и рог изобилия – атрибуты различных богинь-матерей. На то, что на фреске изображена мать-земля, указывает изображение змеи, с культом которой был связан культ Матери богов, богини земли. Наличие фрески в новгородской церкви подчеркивает важность персонифицированного образа Матери-земли и для языческих, и для христианских представлений.

Неслучайно устойчивый эпитет «сыра» встречается в заговоре, записанном на Дальнем Востоке в начале XXI в.: *«Как Господь Бог небо и землю, воды и звезды, и сырую мать-сыру землю твердо утвердил и крепко укрепил, и как на той мать сырой земле нет никакой болезни, ни кровавой раны <...>»*¹⁵. В приведенном примере дважды повторяются словосочетания

¹³ Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 1. С. 67.

¹⁴ Чумакова, Т.В. Символическое изображение земли в церкви Спаса на Нередице [Электронный ресурс] // Смыслы мифа : мифология в истории и культуре. Сборник в честь 90-летия профессора М.И. Шахновича. Серия «Мыслители». Выпуск № 8 – СПб. : Издательство [Санкт-Петербургского философского общества](http://www.anthropology.ru/ru/texts/chumakova/misl8_37.html), 2001. – С. 300. – URL: http://www.anthropology.ru/ru/texts/chumakova/misl8_37.html (дата обращения: 11.09.2010).

¹⁵ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 2001. П. 2. Т. 18. С. 23.

«сырая мать-сыра земля», «мать сыра земля». Сохранность формулы обеспечивается тем сакральным смыслом (связь с плодородием, а следовательно, с жизнью всего вокруг), который в ней содержится.

Впоследствии с циклом земли в народном сознании соотносились христианские праздники, например Троица. Крестьяне верили, что в этот день у земли именины, ее нельзя было тревожить: копать, пахать и вбивать клинья, столбы (при строительстве заборов), она должна была отдыхать.

Как хранительница плодоносных сил, как порождающее начало, земля могла, по народным представлениям, излечить от недугов, вдохнуть новые силы, облегчить смертные муки тому, кто дотрагивался до нее. Прикосновение к ней символизировало новое рождение. Например, в легенде о женьшене (заимствована у китайцев переселенцами на Дальний Восток) подчеркивается плодородная сила земли: *«А сам-то он от Матушки-земли произошел. <...> И сказала ему Мать-земля: «Коль ты – первенец мой, будь всесилен, часть себя отдаю тебе»»*¹⁶. Женьшень становится настолько сильным, что вынужден поделиться жизненными соками с другими растениями. Снова наблюдаем, как заимствованный текст органично входит в основной репертуар русского населения благодаря тому, что отражает характерные для многих культур представления о плодородии матери-земли.

Народные представления об умении земли защитить, прийти на помощь также связаны с идеей материнской защиты. В преданиях о Светлояре рассказывается, как храмы и монастыри уходят в землю, спасаясь от нападения татар.

Архаические представления о покровительстве матери земли прослеживаются и в древнерусской литературе. Так, в состав «Повести временных лет...» включается литературно обработанное предание о белгородском киселе, в котором жители осажденного города обманывают врага, опустив в колодцы корчаги меда и сыты. Доставая удивленным печенегам еду, горожане говорят: *«<...> что можете створити намъ? Имѣмъ*

¹⁶ У ключика у гремучего : Дальневосточный фольклор / сост. Л.М. Свиридова. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. С. 60.

бо кормлю от земля. Аще ли не вѣруете, да видите своима очима». В этом эпизоде отражаются отголоски народных представлений о способности земли передать своим детям часть плодородной силы, питать их и поддерживать. Ф.И. Буслаев: «эта летописная сказка, очевидно, основывается на веровании в плодородную силу Мать-сырой земли»¹⁷.

В «Сказании о Мамаевом побоище» наблюдаем сохранение архаических представлений в таких тропах, как сравнение и персонификация. Земля, оплакивающая своих детей, сравнивается в тексте с женщиной или девушкой: «<...> Слышах землю плачущую надвое: едина б ось страна, аки нѣкаа жена, напрасно плачущися о чадѣх своихъ еллинским гласом, друга же страна, аки нѣкая девица, единою възопи велми плачевным гласом, аки в свирель нѣкую, жалостно слышати велми <...>»¹⁸.

Таким образом, и фольклор (в том числе записи, сделанные на Дальнем Востоке вплоть до начала XXI в.), и древнерусская литература свидетельствуют о соотношении в народном сознании образов женщины и земли, о сохранении архаической веры в материнскую заботу земли.

Лекция 2 (3 час.)

Основные модели мироздания

Постепенно у древних людей на смену анимистическому мироощущению приходит стремление описать устройство земли (космогония), обозначив его модели. Неслучайно во многих культурах понятием *земля* обозначался весь окружающий мир. Аналогичные представления есть в Библии: «Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною» [Быт. 1, 1–2], где под *землей* понималась территория, включающая видимое небо¹⁹. Эти же представления

¹⁷ Буслаев, Ф.И. Народный эпос и мифология / Ф.И. Буслаев ; сост. и вступ. ст., коммент. С.Н. Азбелева. – М. : Высш. шк., 2003. С. 124.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 168.

¹⁹ Толковая Библия : Комментарий на все книги Священного Писания. – под ред.

были у славян, что подчеркивается наличием в старославянском языке слова *Вселенная* – кальки, обозначающей «обитаемая или населенная земля»²⁰.

Во многих культурах описывается ступенчатая структура земли, состоящая из расположенных одна над другой территорий. Эти представления относятся к общекультурным. Ступенчатое изображение мира, опирающееся на предыдущие мифы, встречается в Библии: земля, располагающаяся на подпорках [Иов. 9,8], разделяет воду на надземную и подземную [Быт. 1, 7]. Эти же представления были распространены у славян, впоследствии – у русских, веривших: за видимым небом имеется еще другое, а порой – несколько небес. Если верхние территории соотносились с миром Бога, то нижние – с владениями дьявола.

Представления о ступенчатом строении Вселенной сохраняются в обрядовых песнях второй половины XX в., записанных на Дальнем Востоке.

*«Настенькина мати да по небу ходила,
Да по небу ходила, Господа Бога просила:
«Ой, спусти ж меня, Боже,
Да с неба на земельку, да и по шелковой плети <...>»²¹.*

В тексте отражена древняя вера в многоступенчатое строение мира, в возможность контактов между обитателями разных локусов. Кроме того, наблюдаем совмещение языческих и христианских представлений: теперь, по народным верованиям, на небе живут и христианский Бог, и предки.

В заговорах, записанных во второй половине XX в., большее внимание уделяется нижнему / подземному миру, где обитают силы, враждебные человеку. Заговоры испытывают сильнейшее влияние христианства, зачастую нижний мир в них изображается как место, где обитают злые силы, сосланные туда Богом: *«Не будете унимати, будет вас Бог карати, после*

А.П. Лопухина, в 3-х т.; Т.1, 2001. С. 16.

²⁰ Журавлев, А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. С. 86.

²¹ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1977. П. 4 Т. 20. С. 6.

*Воздвиженья в сыру землю опускати»*²².

С принятием христианства архаические представления о ступенчатом строении земли сохранились (об этом свидетельствуют и записи второй половины – конца XX вв.), но были несколько переосознаны: с верхним миром стал соотноситься образ Бога, а с нижним – дьявола и нечисти.

О существовании таких представлений на Руси в средние века свидетельствуют апокрифы. Проанализировав апокрифические произведения, отражавшие космологические представления, В.В. Мильков приходит к выводу, что единой концепции устройства Вселенной выделить в них нельзя. Исследователь считает, что все они были заимствованы из инокультурной среды, а перед тем «<...> тщательно отобраны и освоены»²³. Общим для концепций, перечисленных ученым, является представление о ступенчатом устройстве Вселенной, получающее различные интерпретации, что снова свидетельствует о наличии этих представлений у многих культур, об отсутствии у русского народа единой космогонической теории. Например, нечеткость представлений о месте расположения иного мира обнаруживаем также в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», где упоминается, что ад где-то под землей, но его точное расположение не указывается.

В то же время идея ступенчатого мироустройства обнаруживается Ю.М. Лотманом в «Повести временных лет». Исследователь пишет о понимании семантики верха и низа мироздания Яном Вышатичем, начальником военной экспедиции против язычников на Руси XI в.²⁴: «И рече има Янь: «То кий есть Богъ, сѣдя въ безднѣ? То есть бѣсь, а Богъ есть сѣдя на небесѣхъ <...>». Следует обратить внимание на то, что под влиянием христианских представлений разные уровни мироздания получают свою интерпретацию: нижний мир осознается Яном как владение бесов, а верхний

²² У ключика у гремучего : Дальневосточный фольклор / сост. Л.М. Свиридова. – Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1989. С. 97.

²³ Мильков, В.В. Древнерусские апокрифы / В.В. Мильков. – СПб. : Изд. РХГИ, 1999. С. 178.

²⁴ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров : Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., : Языки русской культуры, 1998. С. 177.

– как божественный. Эти же идеи находят отражение в заговорах, записанных во второй половине XX в.

Кроме того, архаическая идея о ступенчатом строении Вселенной, как до этого очеловечивание окружающего мира, легла в основу принципа художественной организации повествования отдельных произведений древнерусской литературы. Ступенчатое изображение мира обнаруживается в «Слове по Пасхе» Кирилла Туровского: «Нынѣ небеса просвѣтились <...> Нынѣ солнце, красуясь на высотѣ, восходить и радостно землю согрѣваетъ <...> Нынѣ деревья пускають отрасли, и разцвѣтають душистые цвѣты и разливають пріятное благоуханіе <...>». В тексте легко выделяются элементы всех трех пространственных уровней – верха (небо, солнце, облака), низа (земля) и середины (деревья и цветы). Однако, как считает А.С. Демин, подобное выделение трех пространств можно сделать только искусственно, так как они не связаны в предметное целое. Кирилл Туровский описывал символическую весну – победу христианства на Руси – и к четкому пространственному образу не стремился. Такой же принцип организации повествования А.С. Демин обнаруживал в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Житии» протопопа Аввакума²⁵.

Помимо устойчивых представлений о ступенчатом строении земли, в народном сознании существовали модели мира – упрощенное отображение представлений о Вселенной. Эти модели, в основе которых лежит идея оси, соединяющей разные территории Вселенной, так или иначе соотносились с тем, что окружало человека в жизни. Самой распространенной моделью было дерево (мировое древо), крона которого соответствовала небесному миру, ствол – срединному, а корни – преисподней, царству мертвых. По архаическим представлениям, «дерево <...> ориентирует «дороги» умершего»²⁶. Эти верования отражены в обычае сажать на могиле деревья,

²⁵ Демин, А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. – М. : Языки русской культуры, 1998. С. 16, 45, 56.

²⁶ Загробный мир // Религиозные верования : Свод этнографических понятий и терминов : вып. 5. – М. : Наука, 1993. С. 84.

символически соединяющие миры и позволяющие умершим приходить к живым. Н.Н. Велецкая прослеживает отражение этого обычая в символике архаических славянских надгробий: «<...> процветших крестов со спускающимися ветвями дерева, стилизованном изображении дерева внутри креста, дуба с обрубленной верхушкой <...>»²⁷.

Архаичные представления об оси как модели мироздания отражаются в текстах заговоров: «*В чистом поле стоит золотой столб, на золотом столбу сидит сама Мать Пресвятая Богородица <...>*»²⁸. В других текстах второй половины XX в. модель мироздания изображается уже в образе дерева.

Записи свидетельствуют и о перемещении по дереву. Во многих текстах оно – то место, где происходят встречи обитателей разных миров. Зачастую такие встречи – условие для осуществления волшебного воздействия заговорной формулы: «*Месяц на небе, волк в лесу, червяк в дубе. Когда сойдутся вечером, тогда у рабы Божьей (имя) не будут зубы болеть*»²⁹.

В записях волшебных сказок на сюжет **327 С, F Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка)** и ведьма прослеживается архаический мотив путешествия по мировому дереву, связанный для мальчика с возвращением в свой мир. Этот мотив также сохраняется вплоть до конца XX в. включительно.

Образ древа встречается в тексте «Слова о полку Игореве» при описании манеры исполнения вещего Бояна: «А бы ты сия плъкы ущекоталь, скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подь облакы, свивая славы оба полы сего времени <...>». Поэтическому воображению певца доступны все три части мироздания, по которым он свободно перемещается. Из-за этого умения Боян и получает эпитет «вещий»: ему доступны знания трех миров. В произведении также прослеживается характерный для фольклорной

²⁷ Велецкая, Н.Н. Символы славянского язычества / Н.Н. Велецкая. – М. : Вече, 2009. С. 26.

²⁸ Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. – М. : Изд-во МГУ, 1998. С. 64.

²⁹ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1981. П. 1. Т. 7. С. 5–6.

традиции мотив пути, связанный с образом дерева. Следовательно, образ мысленного дерева из «Слова о полку Игореве» – отголосок древнейших представлений о мировом древе, однако в устах автора они не складываются в реальную картину мироздания, а являются скорее устойчивой поэтической формулой, обозначающей эпитет Бояна «вещий». О том, что образ дерева в «Слове о полку Игореве» восходит к языческому мировоззрению и фольклорной традиции, является поэтическим символом, писали Д.С. Лихачев³⁰, В.В. Виноградов³¹, Г.Ю. Филипповский³².

Отголоски архаических представлений о мировом древе очевидны и в «Повести о Петре и Февронии Муромских», когда на вопрос отрока о брате дева иносказательно отвечает: «<...> Брат же мой ныне на таковое дело иде, яко же лести на древо в высоту чрез ноги зрети к земли, мысля, абы не урватися с высоты. Аще ли кто урвется, сей живота гоньзнет. Сего ради рех, яко иде чрез ноги в нави зрети»³³. В тексте проводится параллель между корнями дерева и навью, т.е. подземным миром мертвых, собирательным образом умерших предков, присутствует также и распространенный мотив путешествия по стволу.

Таким образом, древние представления о мировом древе как прообразе мироздания и о передвижении по нему являются самыми распространенными у русского народа. В качестве поэтических формул они заимствуются древнерусской литературой, сохраняются в фольклоре.

В качестве модели мироздания выступал крест, образ которого универсален для большинства мировых культур, и который был воспринят как язычеством, так и христианством. Крест воспринимался как геометризованный вариант мирового древа и тела человека. Модель

³⁰ Лихачев, Д.С. Русская культура / Д.С. Лихачев. – М. : Искусство, 2000. С. 58.

³¹ Виноградов, В.В. Основные этапы истории русского языка // История русского литературного языка. Избранные труды / В.В. Виноградов. – М. : Наука, 1978. С. 22.

³² Филипповский, Г.Ю. К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве» // Труды отдела древнерусской литературы / редколлегия: А.А. Алексеев, О.А. Белоброва, Д.М. Буланин, А.В. Поньрко, М.А. Салмина. – Л., – СПб., 1997. С. 472.

³³ Изборник : сборник произведений литературы Древней Руси / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1969. С. 457.

мироздания символизировала структура христианского храма, также моделируемая крестом.

Помимо мирового дерева, креста, тела человека, в народном сознании были и другие прообразы. Например, гора – общее название всякой земной возвышенности в противопоставление воде, реке, морю. О тесной связи образов дерева и горы в народном сознании пишет Н.Н. Велецкая: «Представления о мировом древе связаны с обожествлением гор. Мифологическая космическая гора также является воплощением столпа вселенной, своеобразной аналогией священной оси мироздания»³⁴. В качестве потенциальной модели рассматривался и камень, порой упоминавшийся в значении горы, утеса, скалы. По архаическим представлениям, он символизировал центр мира, у которого можно было перевоссоздать космос, Вселенную.

Структуру мироздания воспроизводили жилища, сакральным центром которых был очаг, символически соединяющий небо и землю. О доме как прообразе модели мироздания свидетельствуют сказки, записанные во второй половине XX в. на Дальнем Востоке: отдельные элементы дома (подпол и чердак), упоминающиеся в текстах, связаны с потусторонним миром. Из подпола выходят волшебные персонажи (**301А, В Три подземных царства**), там сокрыт волшебный конь (**532 Незнайка**), там медведь не смог найти деда и бабу (**161А* Медведь на липовой ноге**). На чердаке, как и в кроне дерева, герой прячется (**327 С, Ф Мальчик (Ивась, Жихарко, Лутонюшка) и ведьма**), а богатырь складывает головы поверженного змея (**301А, В Три подземных царства**).

Образы мировой оси, соединяющей разные ступени мира, по народным представлениям, разнообразны: дерево, крест, столб, церковь, гора и т.д. Многие из них универсальны, характерны как для языческих, так и для христианских представлений. Под влиянием христианства отдельные из них переосмысливаются (крест, гора, дерево), другие во многом отражают

³⁴ Велецкая, Н.Н. Символы славянского язычества / Н.Н. Велецкая. – М. : Вече, 2009. С. 27.

языческое мировоззрение (дом, человек).

Одни произведения древнерусской литературы (апокрифы) сохраняют общекультурные представления о ступенчатом строении земли, переосмысляя их в соотнесении с образом Творца. Другие же, не задающиеся целью описания Вселенной, заимствуют из фольклора архаические прообразы модели мироздания (мирового древа), становящиеся поэтическими формулами, или выбирают «ступенчатое» изображение мира, становящееся ведущим принципом организации текста. Произведения древнерусской литературы подтверждают долговременное наличие представлений о ступенчатом мироустройстве, о моделях мироздания в русской народной традиции.

Лекция 3 (2 час.)

Изображение мира людей и иного мира: от языческих к христианским представлениям

В основе космогонических представлений многих народов, в том числе и славян, лежит дуалистический принцип описания Вселенной. Наиболее подробно об этом писал В.В. Евсюков: «Если мы присмотримся к многоэтажной модели повнимательнее, то заметим, что миров в ней даже не три, а, в сущности, два. Один – реальный физический мир <...> второй – фантастический «иной» мир богов, духов и покойников»³⁵. Исследователь приходит к выводу, что, по древним космогоническим представлениям, земля была создана в результате борения полярных сил: хаоса и порядка, более того, она не раз разрушалась и снова возникала из небытия.

Сражение хаоса и порядка отражено в славянских народных представлениях, по которым мир каждую весну (а точнее – на рубеже Масленицы и Великого поста) создается заново. Противоборство хаоса и порядка осмыслялось народом через взаимодействие двух стихий, которые

³⁵ Евсюков, В.В. Мифы о вселенной / В.В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. С. 143.

лежали в основе существования мира: воды и земли.

Если вода ассоциировалась с хаосом, то суша мыслилась как организованная Вселенная, порядок. В постоянном борении друг с другом они образовывали мир. Этот архаичный мотив стал основой русских народных космогонических представлений. С принятием христианства представления о порядке и хаосе, создающих мир, закрепляются в народном сознании за Божественным и дьявольским началами. Эти представления во многом основываются на языческих верованиях и не соответствуют христианским, по которым окружающий мир сотворен только Богом: «Ты основал землю, и небеса – дело Твоих рук <...>» [Пс. 101, 26–27].

Дуалистические представления об окружающем мире, состоящем из космоса (порядка, впоследствии Бога) и хаоса (впоследствии Сатаны), стали основой для выделения двух миров, из которых состоит Вселенная: «белого света» и «иного мира». Здесь «белый свет», наш мир – место, где живут люди, мир вещественный, но недолговечный. В ином же мире обитали персонифицированные явления, предки, языческие боги, впоследствии Бог и христианские святые, дьявол и черти. Народ верил, что иной мир, в отличие от нашего, существовал постоянно.

По архаическим представлениям, отраженным в мифах многих народов, миры не были изолированы друг от друга, славяне также сохранили древние представления, по которым в определенные даты наблюдается взаимопроницаемость миров, либо сам иной мир располагается недалеко от мира живых. В Полесье верили в близкое расположение иного мира: на Благовещение запрещалось вбивать в землю колышки: «Как забьешь колок, так забьешь прямо на тот свет». Само кладбище воспринималось людьми как деревня мертвых, куда живые приходили к ним в гости. Народ верил, что умерший продолжает существовать в земле около своего тела, ведя привычный еще по миру живых образ жизни. На этих верованиях основан распространенный у русских обычай разговаривать с покойными при посещении могил.

О соприкосновении миров, о возможности контакта между ними поется в текстах обрядовой поэзии, записанных во второй половине XX в. Из иного мира по мосту в наш мир приходят святые и персонифицированные христианские праздники:

*«<...> На что мосток?
– Трем братьям ходить!
Первый братец –
Рождество Христово,
Второй братец –
Василий Косоретский,
Третий братец –
Иоанн Креститель»³⁶.*

В обрядовой поэзии также отражаются архаические представления, согласно которым умершие могут разговаривать с живыми из-под земли, придавившей покойных и не позволявшей им встать, прийти в мир людей. Эти представления сохраняются во второй половине XX в.:

*«– <...> Прыбуди, прыбуди, мий батенько <...>
– Ой, и рад бы я, дитя ж мое <...>
Насыпали сырой земли на груди мои <...>»³⁷.*

Народные представления о потустороннем мире обнаруживаются в заговорах, записанных на Дальнем Востоке. В любовной присушке (запись 2000 г.) девушка просит птицу: «<...> слетай в темные леса, в зыбучие болота, в крутые горы и наберись сил, чтобы найти моего суженого (имя) <...>»³⁸. Текст отражает языческие представления о путешествии птиц между мирами. Лечебные заговоры от зубной боли свидетельствуют, что месяц днем светит в нашем мире, а ночью – в ином: «<...>месяц молодой, твой

³⁶ Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни, заговоры / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. – Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. С. 56.

³⁷ Приложение // Фетисова, Л.Е. Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: сложение и развитие традиций. Владивосток : Дальнаука, 1994. С. 200.

³⁸ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 2000. П. 2. Т. 39. С. 1.

*венки золотой, ты был не был на том свете? Был. Мертвых видел ли? Видел»*³⁹.

Волшебные сказки, также записанные во второй половине XX в., сохраняют дуалистическое мировоззрение. В них наш мир постоянно называется «белым», благодаря чему отождествляется со светом и становится в оппозицию иному миру.

Отголоски архаического почитания могил, рядом с которыми взаимодействуют хаос и порядок, наш и иной миры, отражаются в тексте на сюжете **465В Красавица-жена (Гусли-самогуды) + 569 Сумка, шляпа и рожок + 560 Волшебное кольцо (отдельные элементы): «<...> помолись на могиле родителя и благословись у отца-матери <...>»** (вторая половина XX в.)⁴⁰. В волшебных сказках второй половины XX в. находят свое отражение архаические представления, согласно которым умершие могут общаться с живыми, ненадолго приходить в их мир. Например, в текстах на сюжет **530 Сивко-Бурко** повествуется, что покойный отец по ночам встает из могилы, разговаривает с сыном, пришедшим к нему на кладбище: *«Слышит – земля дрогнула, раскрываются могила, выходит отец»*⁴¹. Как и обрядовая поэзия, волшебные сказки свидетельствуют о сохранении народных представлений о том, что у могилы мертвые могут контактировать с живыми.

Архаическое представление о хаосе и космосе, создающих землю, обнаруживаются в апокрифе «О Тивериадском море», варианты текста которого анализирует В.С. Кузнецова. В произведении рассказывается, что в процессе миротворения участвовали одновременно Бог и Сатана⁴². При этом землю творит именно дьявол, хотя и по Божественному указанию. Это свидетельствует о сохранении в народном сознании именно архаического

³⁹ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1981. П. 1. Т. 7. С. 5.

⁴⁰ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск : ВО Наука. Сиб. издат. фирма, 1993. С. 192.

⁴¹ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск : ВО Наука. Сиб. издат. фирма, 1993. С. 205.

⁴² Кузнецова, В.С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции / В.С. Кузнецова. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. С. 36.

сюжета о возникновении мира, поскольку, по библейским представлениям, мир создает только Бог: «<...> И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями» [Быт. 1–9, 10].

О вмешательстве представителей иного мира в жизнь людей, о возможности контактов между ними повествуют оригинальные произведения древнерусской литературы. В текстах Киево-Печерского патерика земля изображается как арена битвы ангелов и бесов, принимающих самое живое участие в жизни человека: «Видѣхъ, – рече, – аггелы отступльше от мене и плачущая о души моей, бѣси же радующеся о гнѣвѣ моем <...>»⁴³. Борьба дьявольского и божественного происходит не только на земле, но и в душе, а ее результаты проявляются в поступках человека. В «Повести временных лет...» говорится и о Святополке Окаянном, которого сатана вынудил ослепить Василька Тербовльского: «И влѣзе сотона в сердце нѣкоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичю, рекуще сице, яко «Володимеръ сложился есть с Василком на Святополка и на тя»⁴⁴. В приведенном примере персонаж из иного мира вмешивается в события, происходящие в нашем мире, и влияет на их исход. В «Повести о Улиании Лазаревской (Осоргиной)», демонология которой, по мнению Ф.И. Буслаева, «<...> ничем особенно не отличается от общего направления нашей литературы XVI и XVII вв.»⁴⁵, также изображено вмешательство персонажей иного мира в жизнь человека. Бесов, желающих навредить Улиании, прогоняет святой, явившийся в этот мир: «Она же помолися Богу и Пречистой Богородице, и святому Николе чудотворцу. И явися ей святой Никола, держа книгу велику, и разгна бесы <...>»⁴⁶.

⁴³ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 514.

⁴⁴ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 248.

⁴⁵ Буслаев, Ф.И. Идеальные женские характеры Древней Руси // О литературе : Исследования ; Статьи. / сост., вступ. статья, примеч. Э.Л. Афанасьева. – М. : Худож. лит., 1990. С. 291.

⁴⁶ Изборник : сборник произведений литературы Древней Руси / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1969. С. 544.

Произведения древнерусской литературы отражают идею дуализма Вселенной и постоянных контактов нашего и иного миров или их обитателей. Тексты свидетельствуют, что под влиянием язычества сохраняется взгляд на мир как на взаимосвязь и вечное противоборство хаоса и порядка, христианство же отождествляет с ними образы Бога и дьявола.

Описания иного мира существовали у разных народов: он изображался как безжизненное или изобильное место, как страна, похожая на мир людей⁴⁷. Эти архаические представления обнаруживаются и у славян. С одной стороны, между нашим и иным мирами было больше сходств, чем различий: «<...> Он мог совпадать полностью, быть тождественным земному»⁴⁸. Порой страна предков виделась воздушным зеленым садом, где «<...> царствует вечное лето, светит солнце, зеленеют деревья и трава»⁴⁹. С другой стороны, иной мир мог восприниматься как противоположность мира людей⁵⁰. И тогда это была холодная и суровая страна мрака. Иной мир, по народным представлениям, соотносился с хаосом, это был мир до создания, «<...> не имеющий вида, формы, каких-либо очертаний»⁵¹. В изображении его пространства отсутствовала система координат, человек терял там социальный и телесный статус⁵², а обитателям иного мира «приписываются некие фантастические телесные характеристики: непомерно большой или слишком маленький рост, безголовость, отсутствие носа, один глаз, три ноги <...>»⁵³.

⁴⁷ Тайлор, Э.Б. Миф и обряд в первобытной культуре / пер. с англ. Д.А. Коропчевского. – Смоленск : Русич, 2000. С. 248–276.

⁴⁸ Еремина, В.И. Ритуал и фольклор / В.И. Еремина ; отв. ред. А.А. Горелов. – Л. : Наука, 1991. С. 31.

⁴⁹ Соболев, А.Н. Мифология славян. Загробный мир по древнерусским представлениям (литературно-исторический опыт исследования древнерусского народного мирозерцания) / А.Н. Соболев. – СПб. : Лань, 2000. С. 99–100

⁵⁰ Журавлев, А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / отв. ред. С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. С. 522.

⁵¹ Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. С. 203.

⁵² Гамзатова, П.Р. Инобытийное пространство в традиционной культуре и художественных системах (универсальная модель, когнитивные аспекты) // Традиционная культура. – 2007. – № 1 (25). – С. 3–14.

⁵³ Виноградова, Л.Н. Телесные аномалии и совершенная красота как признаки

В народных представлениях существовали прообразы иного мира. К ним относится Вырий (прообраз рая) – восточная страна вечного лета и тепла, представление о ней как о «красивом зеленом саде» сложилось у славян задолго до христианства⁵⁴. Были распространены рассказы о весеннем возвращении птиц из Вырия (расположенного якобы под водой, в земле, в далекой стране)⁵⁵. Еще одно заповедное царство – Кошное⁵⁶ – славянское царство мертвых, «сиречь тьма кромешная». Кошное царство находится внутри земли, где и обитают умершие предки. В образах Вырия и Кошного царства отражены два типа древних представлений о том свете: либо как параллели нашему миру, либо как его противоположности. Наличие в народных верованиях таких разных (даже взаимоисключающих) образов не случайно, оно объясняется тем, что изначально единого образа иного мира, как и пантеона богов, у славян не было. С принятием христианства страна благоденствия начинает осознаваться как аналогичная раю, а страна вечного мрака и холода – аду. Такое соотношение способствует дальнейшему сохранению архаических образов в народном сознании.

Образ иного мира обнаруживается в фольклоре. Например, в сказке на сюжет **301А, В** *Три подземных царства* дается следующее описание: «И спустился он в другой мир, где было такое же солнце, такой же глухой лес. <...> С гибелью колдуна изменился край. <...> Запышнела природа, стало теплее» (Дальний Восток, 1979 г.)⁵⁷. Подчеркивается, что иной мир устроен наподобие нашего. Тем не менее подобие – это не полное отождествление, в сказках подчеркиваются отличия иного мира. У него особые жители: «А тут идут (и какие!): и кривые, и хромые, и каких там только не было» (**313А, В**,

демонического и сакрального // Традиционная культура. – 2004. – № 2 (14). – С. 18–26.

⁵⁴ Даль, В.И. Вырей // Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : ТЕРРА, 1995. – ISBN 5-85255-489-8. – Т. 1 : А–З. – С. 310.

⁵⁵ Агапкина, Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т.А. Агапкина. – М. : Индрик, 2002. С. 119.

⁵⁶ Шуклин, В.В. Кошное царство // Шуклин, В.В. Русский мифологический словарь. – Екатеринбург : Уральское изд-во, 2001. – С. 174–175.

⁵⁷ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1979. П. 5. Т. 29. С. 8, 10.

С Чудесное бегство) ⁵⁸. В ином мире находится сад, где растут золотые и серебряные яблоки, расположен колодец с «сильной» водой ⁵⁹.

В сказках также подчеркивается соотнесение нашего мира с миром Божьим, а иного – с проклятым местом. По народным верованиям, мир людей освящался Божественным присутствием (влияние христианства), тогда как иной (подземный) оставался в ведении персонажей, истоки образов которых обнаруживаются в языческих представлениях.

Изображение иного мира встречается в апокрифах. Классическое описание ада, по мнению А.С. Демина, дается в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам» ⁶⁰. Описание ада в основном сосредоточено на тех пытках, которые ожидают грешников: одни погружены в вечную темноту, другие подвешены к крюкам, третьи сидят на раскаленных скамьях и т.д. В свою очередь образ рая обнаруживается в апокрифе «Съказание отца нашего Агапия...», в котором герой совершает путешествие в рай, пребывает там некоторый срок и возвращается обратно в наш мир. «И обрѣте ту дрѣва различна, и цвѣты цвьтуща различны, и овоща различны <...> Съдяху же пѣтицѣ на дрѣвѣхъ тѣхъ, различны имуща одежда» ⁶¹ – в тексте рай (иной мир), в соответствии с древнейшими народными представлениями, изображен как цветущий изобильный сад. Влияние архаических представлений на образ рая обнаруживается в «Послании» новгородского архиепископа Василия владыке тверскому Федору: «А что, брате, молвишь: «Рай мысленный», ино, брате, такъ то и есть мысленный и будет, а насаженный – не погыблъ, и нынѣ есть. На нем же свѣтъ самосияненъ, а

⁵⁸ Приложение // Фетисова, Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2002. С. 158.

⁵⁹ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1979. П. 4. Т. 26. С. 28–29.

⁶⁰ Демин, А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. – М. : Языки русской культуры, 1998. С. 699.

⁶¹ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 156.

твердь запята есть до горь техъ раевых»⁶². В произведении утверждается возможность достижениярая, находящегося на одной плоскости с нашим миром.

Образырая и ада были органично восприняты народным сознанием, поскольку задолго до принятия христианства существовали похожие представления об ином мире. Эти представления были характерны для многих культур, отразились в образе Вырия и Кошного царства, повлияли на изображение иного мира в апокрифах: описание языческого изобилия в раю и мгла как основные характеристики ада. Древнерусская литература не создает полноценного образа ада, а в образерая отчетливо прослеживается сильнейшее влияние языческих представлений.

Архаический мотив борения хаоса и космоса под влиянием христианства превращается в мотив борьбы Божественного и дьявольского начал, лежит в основе народных представлений о мироустройстве. Дуалистический образ мира, пришедший из архаики, сохраняется и с принятием христианства: выделяются образы нашего и иного миров, где наш – мир людей, а иной – мир предков, языческих богов, Бога, святых, дьявола и чертей.

Лекция 4 (4 час.)

Древняя оппозиция *своя* – *чужая* земля

Представления о персонификации земли, ее отождествление с матерью и основанные на нем идеи бессмертия и защиты, а также оценочное восприятие мира через дуализм хаоса и порядка послужили основой при формировании народных представлений о своей земле, влияние на которые оказали как язычество, так и христианство. Архаические идеи о выделении во Вселенной нашего и иного миров, об их взаимовлиянии и противопоставлении получили дальнейшее развитие в древнем противопоставлении своего и чужого.

⁶² Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 48.

Оппозиция своего и чужого пространства нашего мира была тесно связана в народном сознании с необходимостью проведения границ, при этом древнейшая идея строгой локализации территорий характерна как для языческих, так и для христианских представлений. В язычестве эти верования были связаны с идеей защиты земли рода предками.

Представления о разграничении территорий нашего мира, возникшие задолго до христианства, отражены в Ветхом Завете, где указываются границы обитания разных племен: «Амалик живет на южной части земли, Хеттеи, Иевусеи и Аморреи живут на горе, Хананеи же живут при море и на берегу Иордана», «дай повеление сынам Израилевым и скажи им: когда войдете в землю Ханаанскую, то вот вам земля, которая достанется вам в удел, земля Ханаанская с ее границами <...> и пойдет граница к Иордану, и будут выступы ее к Соленому морю. Это будет земля ваша по границам ее со всех сторон» [Чис. 13, 30, 34, 2–12]. Евреи захватывают лишь те территории, которые входят в границы обещанной Богом земли: «И сказал Господь Моисею: не бойся его, ибо Я предам его и весь народ его и всю землю его в руки твои» [Чис. 21,34]. Попытка выйти за границы, обозначенные Богом, грозит поражением [Втор. 2, 2–4, 5].

Под влиянием христианства разграничение территорий соотносится с идеей справедливого разделения земли Богом, вся она воспринимается как Божья, а люди – как ее временные собственники⁶³. Кроме территорий разных народов выделялись и отдельные участки земли, принадлежащие разным семьям. Архаическая идея справедливого разделения территории под посевы прослеживается и у русских, которые считали тяжким грехом попытку отпахать землю от чужой полосы .

О стремлении русского народа не только обозначить свою территорию, но и создать вокруг ее пространства символический пояс защиты пишет Д.К. Зеленин, анализирующий обряд опахивания⁶⁴. Т.А. Агапкина приводит

⁶³ Громыко, М.М., Буганов, А.В. О воззрениях русского народа / М.М. Громыко, А.В. Буганов. – М. : «Паломникъ», 2000. С. 272.

⁶⁴ Зеленин, Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин ; отв. ред. К.В. Чистов. –

этнографические факты, свидетельствующие о том, что у славян (и русских в том числе) были распространены обходы полей с целью ритуального подтверждения границ освоенного «культурного» пространства и своего социума, на которые должна распространяться испрашиваемая обрядом защита высших сил ⁶⁵. С.Д. Домников считает, что обозначение границ своего мира, по народным представлениям, символизировало еще и отделение освоенного мира от Хаоса ⁶⁶.

Из этих представлений вытекает страх, который народ испытывал перед перекрестками – ничьей землей, где господствовал хаос. Поэтому там совершались чары, заговоры, хоронили самоубийц или найденные трупы, ставили кресты, часовенки для охраны.

С народными представлениями о необходимости разграничения своей и чужой территории связана вера в то, что родная земля предназначена людям богами / предками и, соответственно, оберегается ими. Эти верования возникли еще в дохристианские времена. Кроме того, с представлениями о границе связаны этические нормы о справедливом / несправедливом разделении территории. Тогда под своим понималось издавна знакомое, возделываемое, освоенное пространство. Оно представлялось народу как нормативное, правильное. Чужое, соответственно, было неизвестной местностью с другой природой, населением и обычаями. Из этих представлений следовало определение чужого – незнаемый, не нашей земли, странный, удивительный, непричастный ⁶⁷. Отсюда же происходит «оценка «чужих» как враждебных и опасных существ <...>»⁶⁸.

Т.В. Цивьян утверждает, что границы своего и чужого могли

М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 96.

⁶⁵ Агапкина, Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т.А. Агапкина. – М. : Индрик, 2002. С. 438.

⁶⁶ Домников, С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество / С.Д. Домников. – М. : Алетей, 2002. С. 42.

⁶⁷ Даль, В.И. Чужой // Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : ТЕРРА, 1995. – ISBN 5-85255-489-8. – Т. 4 : Н–V. – С. 613.

⁶⁸ Белова, О.В. Свой–чужой // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) – М. : Междунар. отношения, 2009. – С. 581–582.

варьироваться: «<...> свой меняет знак, становясь чужим, чужой «приватизируется», друг делается врагом <...>»⁶⁹. Чем дальше находилась территория, тем вернее она осознавалась как чужая. Эти земли рассматриваются как чужое пространство вообще, не подразумевающее под собой определенных географических координат, из-за чего отдельные территории Руси также воспринимались как чужие. Неслучайно многие бранные формулы, прогоняющие адресата, содержат географические названия: «арх. *дуй тебя в Сибирь, неси тебя в Китай, подь ты в Норвегу, уведи его татар* (черт бы его побрал)»⁷⁰. Здесь проводится параллель между другими странами (Китай, Норвегия), частью России (Сибирь) и иным миром (отсылка к черту) по одному признаку – далекое расположение.

В то же время, говоря о чужой территории, народ не всегда наполнял высказывание негативным содержанием. А.К. Байбурин утверждал: «<...> человек склонен видеть в чужом не только нечто деструктивное, противостоящее своему, но и ту силу, которая послужила толчком к рождению мира человека и которая снабжает его «ресурсами»»⁷¹.

Таким образом, оппозиция своей и чужой земли в народном сознании подчеркивала четкое разграничение всех территорий нашего мира, соотносила идею правильного миропорядка с освоенным и обжитым пространством, свидетельствовала об особой защищенности родной территории высшими силами. Эти представления возникли еще в язычестве, с принятием христианства на них наложилась идея защиты земли Богом. Здесь следует акцентировать внимание именно на наложении и совмещении

⁶⁹ Цивьян, Т.В. Современная русская языковая ситуация в проекции на модель мира // Язык : тема и вариации : избранное : в 2 кн. / Т.В. Цивьян; отв. ред. В.Н. Топоров; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2008. Кн. 2 : Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. – 2008. – С. 114.

⁷⁰ Березович, Е.Л. «Чужие земли» в русском народном языковом сознании : прагматический аспект [Электронный ресурс] // сайт «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» : Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2005. № 2. С. 70–85. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich8.htm> (дата обращения: 07.05.2011).

⁷¹ Байбурин, А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. / А.К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. С. 183.

языческих и христианских представлений, а не на замене одних другими, поскольку отдельные составляющие языческих верований (соотнесение удаленных территорий с иным миром) сохраняются.

В фольклоре обнаруживается оппозиция своей и чужой территории нашего мира. Противопоставление *своего* и *чужого* есть в обрядовых песнях, чаще всего свадебных. Чужая сторона, в отличие от родины, изображается злой, неприветливой. Кроме того, происходит частичное совмещение чужой стороны и иного мира: холод, мрак, далекое расположение, которое обусловлено народными представлениями о символической смерти невесты.

Поскольку народ разграничивал и участки своей территории, чужим на некоторое время мог становиться тот локус, где обитают вредоносные существа. Например, в купальской песне второй половины XX в. девушки защищают свое поле от персонажа, связанного с иным / чужим миром:

«<...> Ня йды, ведьма, в наше жито,

Ня йды, ведьма.

Там Бог ходит,

Там Бог ходит, жито родит <...>»⁷².

В приведенном примере содержатся христианские представления об особой защищенности Богом родной территории. Изгоняя ведьму из своего пространства, народ словно восстанавливает заповеданный миропорядок.

О границах между территориями нашего мира говорится в волшебных сказках. Часто роль границ между своей и чужой землей играют дороги. Речь идет о границах территорий нашего мира, а не о характерном для волшебных сказок выделении нашего и иного миров, поскольку в описании путешествия героя отсутствует мотив пересечения «особой» границы: переход через воду, лес, горы.

В текстах второй половины XX в. обнаруживаются упоминания о чужих землях / другом / Тридесятом царстве / государстве, находящихся в

⁷² Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни, заговоры / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. – Новосибирск : Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. С. 227.

нашем мире. Зачастую описание этих территорий либо отсутствует вовсе, либо (по упоминающейся атрибутике) они ничем не отличаются от родного города / деревни героя.

Если упоминаются конкретные страны / территории, их описание не дается: «<...> *окромя этого можно по всем государствам: Англии, Франции*» (**301А, В Три подземных царства** + **300А Бой на калиновом мосту** + **302₁ Смерть Кащей в яйце**) (вторая половина XX в.)⁷³; «*Тут же царь хотел расстрелять водовоза за ложные его слова, но Иван-царевич отговорил не расстреливать его, а сослать в Сибирь на ссылку*» (**313Н* Бегство от ведьмы (железного волка, чародея и др.) с помощью бросания чудесных предметов** + **315 Звериное молоко** + **300₁ Победитель змея**) (вторая половина XX в.)⁷⁴. Вероятно, в приведенных примерах географические названия играют роль показателя далекого расстояния.

В волшебных сказках образ чужого царства может быть связан с идеей дальнейшего благополучия и счастливой судьбы. Например, в сказках на сюжет **706 Безручка** из чужого государства приезжает за девушкой жених, с которым она живет долго и счастливо, уезжая на родину мужа. О другом царстве как о месте, где делают самые лучшие вещи, упоминается в тексте второй половины XX в.: «– *Ну, нужно подвенешное Елене-царевне. Где мы его возьмем? За границу нужно, однако, заказывать <...>*» (**560 Волшебное кольцо**)⁷⁵.

Несмотря на то, что иное / другое царство в волшебных сказках принадлежит нашему миру, зачастую в сказках упоминается, что для его достижения герою необходимо преодолеть огромное расстояние. Порой в чужое государство надо плыть. Чужое царство может соприкасаться с иным миром (заколдовано, там появляются / проживают существа из иного мира либо недалеко расположен вход в иной мир).

⁷³ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск : ВО Наука. Сиб. издат. фирма, 1993. С. 60.

⁷⁴ Там же. С. 98.

⁷⁵ Там же. С. 230.

Образ чужого царства в записях фольклора Дальнего Востока порой трансформируется в образ города: «Шли они долго <...> Смотрят – дорога, и пошли по дороге. <...> Доходит до города» (567 Чудесная птица и 303 Два брата) (1969 г.)⁷⁶; как чужое / другое пространство описывается деревня / село / район: «А тогда говорит он царю: «Поеду я в свое село и перепису всю сельскую местность» (530А Сивко-Бурко) (1967 г.)⁷⁷; «Кавалер поднял туфлю и сказал: «Буду я ездить по всем районам и деревням» (510А Золушка) (1968 г.)⁷⁸. В исследованных текстах наблюдается не только разграничение своей и чужой территорий, но и опрощение образа царства (как своего, так и чужого), который приобретает реальные черты, приближаясь к поэтике бытовой (не волшебной) сказки.

В произведениях древнерусской литературы противопоставление своей и чужой земли «<...> воспринимается как вариант противопоставлений «праведное / грешное», «хорошее / плохое <...>», и тогда «<...> наблюдается сочетание пространственно-географических представлений с идеей избранничества своей земли»⁷⁹. Кроме того, зачастую изображение чужой земли во многом зависит от исторических факторов.

Идея закрепления территорий за разными народами отражается в записях «Повести временных лет...». Подробно (с указанием конкретных территорий и их границ, в основном водных) описываются места расселения славянских племен: «Тако же и ти славѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣх, а друзии сѣдоша межю Припетью и Двиною и нарекошася дреговичи, инии сѣдоша на Двинѣ и нарекошася полочане, рѣчьки ради, яже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, от сея прозвашася полочане»⁸⁰. Скорее всего, такой принцип

⁷⁶ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1969. П. 3. Т. 7. С. 24–29.

⁷⁷ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1967. П. 1. Т. 5. С. 24.

⁷⁸ Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1968. П. 2. Т. 19. С. 57.

⁷⁹ Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров : Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., : Языки русской культуры, 1998. С. 244.

⁸⁰ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII

изображения был заимствован из книг Священного Писания.

С другой стороны, в «Повести» четко прослеживается оппозиция между нашей / своей землей и чужой землей – степью, степняками. В основном это видно при изображении военных столкновений князей с половцами, из-за чего степь предстает как место, от которого не приходится ожидать ничего хорошего и которое изначально враждебно русскому человеку: «Придоша печенѣзи на Руску землю первое <...> И оступиша печенѣзи градъ в силѣ велицѣ»⁸¹, «<...> и съжалися о бывшемъ от печенѣгъ. И собраа вои, и прогна печенѣги в поли, и бысть миръ»⁸².

По мнению А.С. Демина, так как в XII–XIV вв. столкновения с половцами усиливаются, то в текстах древнерусской литературы этих веков формируется образ «<...> чужой, пограничной с Русью земли, до предела заполненной людским множеством <...>»⁸³. В «Слове о полку Игореве» поле, по наблюдениям Н.В. Шарлеманя упоминается 12 раз⁸⁴, обозначает враждебную территорию или чужой народ. Автор произведения восклицает: «Загородите полю ворота!»⁸⁵, – призывая защищать свою территорию. Когда русские войска одерживают победы, образ поля меняется. В «Задонщине» поле превращается в место приложения богатырских сил: «То ти быша ни соколи ни кречети, то ти наехали русские князи на силу татарскую. И удариша копия харалужныя о dospѣхи татарские, возгрѣмѣли мечи булатные о шеломы хиновские на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ»⁸⁶.

В древнерусской литературе не угасал интерес к чужим землям. Такой

века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 24.

⁸¹ Там же. С. 78.

⁸² Там же. С. 80.

⁸³ Демин, А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. – М. : Языки русской культуры, 1998. С. 154.

⁸⁴ Шарлемань, Н.В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды отдела древне-русской литературы. – Т. VIII. – М.–Л. : Издательство академии наук СССР, 1951. С. 66.

⁸⁵ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 382.

⁸⁶ Памятники литературы Древней Руси: XIV – середина XV века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 102.

страной была Индия, располагающаяся, по народным представлениям, на границе между мирами и, соответственно, воспринимаемая книжниками как греховная страна. Путешествию в поганую землю ⁸⁷ посвящено «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. В Индии русского купца поджидают религиозное одиночество, тоска по родине, поскольку своя земля в сознании Афанасия Никитина тесно связана с христианской верой: «Ино, братие русстии християня, кто хочет пойти в Ындейскую землю, и ты остави веру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю <...> Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вире кристьянской»⁸⁸. В чужой земле господствует иная религия, которую не принимает купец, рискуя при этом жизнью: «<...> а не станеш в вѣру нашу <...> тысячу златых на головѣ твоей возму»⁸⁹. В то же время, он не бранит чужую религию, автор «Хожения...» чувствует, что при всем различии между его верой и другими «существует известный формальный параллелизм, формальная аналогия, которую он постоянно подчеркивает»⁹⁰: «А намаз же их на восток, по-русьскыи <... > Бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в веру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: «Господине! Ты намаз каларьсень, мен да намаз *киларьмень, ты бешь намазъ кыларьсиз, мен да 3 каларемен, мень гарипъ, а сень инчай*». Он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а кристьянства не знаешь»⁹¹.

Показателями чужой земли для автора «Хожения» являются иная вера, так как в нее обращают насильно и отказ принять ее грозит смертью, и постоянные войны. Именно о таких землях вспоминает Афанасий Никитин,

⁸⁷ Трубецкой, Н. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика : Антология / сост. и общая редакция Ю.С. Степанова. – Екатеринбург : Деловая книга, Москва : Академический проект, 2001. – С. 496–524.

⁸⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина / отв. ред. Я.С. Лурье – Л. : Наука, 1986. С. 8, 12.

⁸⁹ Там же. С. 8.

⁹⁰ Трубецкой, Н. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина как литературный памятник // Семиотика : Антология / сост. и общая редакция Ю.С. Степанова. – Екатеринбург : Деловая книга, Москва : Академический проект, 2001. С. 512.

⁹¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина / отв. ред. Я.С. Лурье – Л. : Наука, 1986. С. 10, 13.

когда говорит о невозможности вернуться на Русь, ведь путь ему везде отрезан или войной, или необходимостью принять чужую веру ⁹². В «Хождении за три моря» преобладает принцип максимально нейтрального описания чужого быта и нравов, постепенно развивается стремление провести параллель между своей и чужой страной, а не противопоставить их.

Чужие локусы могут изображаться и как благодатные территории. Этот принцип связан с христианскими представлениями об особом статусе отдельных мест, упоминаемых в библейской истории (например, Иерусалима). Стремление народа приобщиться к их святости породило паломничество и, соответственно, описания святых мест (паломническую литературу) на Руси. В «Хождении игумена Даниила» автор сосредоточивает внимание на подробном описании святынь и чудес Иерусалима. В.В. Данилов утверждает, что Даниил объясняет названия только тех мест, которые связаны с христианскими легендами (кроме Месопотамии) ⁹³. Игумен сравнивает окрестности реки Иордан с природой русской земли: «Есть же по сей странѣ Иордана на купѣли той яко лѣси древо не высоко, аки вербѣ подобно есть, и выше купѣли тоя по берегу Иорданову стоять яко лозие много, но нѣсть яко же наша лоза, но нѣкако аки силяжи подобно есть, есть же и тростие много, болоние имать, яко Сновь рѣка» ⁹⁴. В.В. Данилов обращает внимание на патриотизм игумена Даниила: «Пшеничные отруби, вишневый клей, вербы и лозы – все это в совокупности ведет нас на территорию Киевской Руси <...>»⁹⁵. Проводя параллель между Русью и Иерусалимом, Даниил, с одной стороны, позволяет читателю точнее представить не виденную им страну, а с другой – обозначает определенную

⁹² Там же. С. 14.

⁹³ Данилов, В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – Т. X. – М.–Л. : Изд-во академии наук СССР, 1954. С. 98.

⁹⁴ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 52.

⁹⁵ Данилов, В.В. К характеристике «Хождения» игумена Даниила // Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). Труды отдела древнерусской литературы. – Т. X. – М.–Л. : Изд-во академии наук СССР, 1954. С. 99.

общность между этими странами.

В древнерусской литературе своя и чужая земля не только противопоставляются друг другу, но и сопоставляются: чужая земля может изображаться нейтрально («Хождение за три моря» Афанасия Никитина) либо положительно (текст «Хождения игумена Даниила»). Изображение чужих стран во многом зависит от политических взаимоотношений Руси с ними.

Таким образом, и фольклор (в т.ч. тексты, записанные на Дальнем Востоке в конце XX в.), и древнерусская литература отражают архаическую идею разграничения территорий нашего мира. В фольклоре оппозиция своего и чужого соотносится и частично совмещается с оппозицией нашего – иного миров. В древнерусской литературе сильно влияние христианства, которое преобразует оппозицию *свой – чужой* в *праведный – грешный*, внося оценочную характеристику. И в фольклоре, и в древнерусской литературе своя территория становится тем ориентиром, в сопоставлении с которым изображаются другие земли. В основе этого принципа повествования лежат архаические представления о своем социуме как образце упорядоченного мироустройства.

Архаическая оппозиция своя – чужая земля способствовала формированию в народном сознании образа своей земли. Это было обусловлено тем, что «осознание себя существующим немислимо без осознания наличия рядом с собой «другого»»⁹⁶. Образ своей / родной земли сложился задолго до принятия христианства во многом под влиянием древнего почитания матери-земли. В культуре русских сохраняются отголоски обозначения родственных связей чрез землю.

Ю.М. Антоняном были выделены следующие компоненты представлений о своей земле, свойственные традиционной культуре, : все члены рода, души умерших, продолжающие жить в разных формах, данная земля, мифы, легенды этого рода, традиции и обычаи, язык, политическая система, материальные ценности, священные строения, духовные,

⁹⁶ Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. С. 168.

религиозные ценности ⁹⁷. Следовательно, понятие *своя (родная) земля* вмещает в себя сложный комплекс представлений, охватывающих все сферы человеческой жизни. Отдельные из них изменялись очень быстро, другие столетиями и даже тысячелетиями оставались неизменными. Принятие христианства не смогло вытеснить этот монументальный комплекс языческих представлений, а только способствовало его некоторому изменению.

В народном сознании *своя земля* была не просто местом рождения, освоенной, возделанной территорией рода. Она была основой морально-этических, религиозных представлений, с ее образом была связана идея нового возрождения умершего, идея бессмертия. *Своя (родная) земля* рассматривалась как вместилище предков, через некоторое время порождающее назад захороненную душу. Поэтому, согласно древнейшим народным представлениям, каждый умерший (кроме заложных покойников) становился предком-покровителем рода. Его нужно было обязательно похоронить на родной территории (ср.: *«И кости по родине плачут»*), чтобы обеспечить защиту земли, а также возможность нового рождения. Наряду с понятием *своя (родная) земля* в народном сознании существовало представление о родительской земле, где были похоронены близкие. Зачастую между этими понятиями ставился знак равенства.

Своя земля была способна защитить человека, о чем свидетельствует обычай брать с собой ее горсть во время путешествий или при отъезде навсегда. Одна часть такой земли бралась из-под печи, другая – из-под столба, на котором держатся ворота, а третья – с перекрестка дорог. Во время закладки дома на новом месте горсть родной земли высыпали под фундамент, полагая, что она защитит от напастей и поможет семье на чужой стороне ⁹⁸. В этих архаических верованиях прослеживается древняя идея

⁹⁷ Антонян, Ю.М. Великая Мать : реальность архетипа / Ю.М. Антонян. – М. : Университетская книга, Логос, 2007. С. 148–149.

⁹⁸ Левкиевская, Е.Е. Культ Матери-Земли // Левкиевская, Е.Е. Мифы русского народа. – М. : Изд-во Астрель ; Изд-во АСТ, 2002. С. 63.

вариативности родного пространства, расширения или уменьшения его границ. Бесспорным центром родной земли становился дом, а точнее, печь, соотносящаяся, по народным представлениям, с миром предков. Данные обстоятельства подчеркивают тесную связь родной земли с «дедами», покровителями рода, защищающими и оберегающими его членов.

Народные представления о своей земле отражаются в фольклоре. Волшебные сказки и в XX в. сохраняют важнейшие архаические представления, связанные с идеей защиты своей земли, образ дома как средоточия родной земли, ее центра, а также представления о том, что никакая другая земля не сравнится с родиной⁹⁹.

В текстах былин отчетливо прослеживается влияние христианства: богатыри, защищая Русь, одновременно бьются и за христианскую веру, и за русский народ, и за саму территорию. З.И. Власова перечисляет встречающиеся в былинах устойчивые эпитеты земель и народов: «Литва хоробрая, земляная, проклятая, поганая, Орда темная, каменная, большая и малая, сорочины (сарацины) долгополые, татары великие, страшные, неверные, поганые, эпитеты городов – Галич – славный, красный, Киев стольный, славный, красный, Москва – матушка, каменная, белокаменная, Новгород – великий, славный, Казань – подлесная, богатая, Тверь – старая, богатая, реки: Дон тихий, Днепр быстрый, Дунай веселый. Волга – наша славная, широкая, матушка-матка, мать»¹⁰⁰. Положительные эпитеты относятся к народу, городам и рекам Руси, что подчеркивает особую любовь к Родине, убеждение, что она самая лучшая.

Для авторов произведений древнерусской литературы Русская земля также представляется самой лучшей. Во многих текстах упоминается славное прошлое Руси: как и в былинах, у народа вызывают восхищение ее природа, ширь, неуязвимость границ. В «Повести временных лет...» отражена

⁹⁹ Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: Волшебные. О животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск : ВО Наука. Сиб. издат. фирма, 1993. С. 177; Рукописный фонд кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований ДВФУ : Фольклорные тексты. 1979. П. 4. Т. 26. С. 36–37.

¹⁰⁰ Власова, З.И. Скоморохи и фольклор / З.И. Власова. – СПб. : Алетей, 2001. С. 165.

вариативность народных представлений о своем пространстве: «От тѣхъ словѣнь разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ»¹⁰¹. Подробно обозначаются основные земли и племена Руси. Кроме этого, подчеркивается, что у каждой территории свой род и свой правитель. Подобное разделение встречается на протяжении всего текста.

Вся Русь называется в летописи, когда возникает угроза исчезновения государства. Например, упоминание всей Русской земли встречается в эпизоде призвания варягов: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»¹⁰². Здесь Русь, изображенная как богатая страна, раздираемая междоусобными войнами, призывает к себе сильных правителей.

Образ страдающей родной земли, под которой понимается сразу несколько княжеств, представлен в повествовании о съезде князей в Любече: «Придоша Святополкъ и Володимеръ, и Давыдъ Игоревичъ, и Василко Ростиславичъ, и Давыдъ Святославичъ, и брат его Олегъ, и сняшася Любячи на устроенье мира, и глаголаша к собѣ, рекуще: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору дѣюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати. Да нонѣ отселѣ имеемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли <...>»¹⁰³. Князья осознают необходимость перемирия ради сохранения сильного государства, но о полном объединении не может быть и речи: «<...> каждо да держить отчину свою: Святополкъ Кыевъ Изяславлю, Володимеръ Всеволожу, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ Святославлю, а им же роздаяль Всеволодъ города: Давыду Володимеръ, Ростиславичема – Перемышль Володареви, Теробовль Василкови»¹⁰⁴.

Ю.М. Лотман пришел к выводу, что в древнерусской литературе «<...> термин «земля» стал выразителем идеи территориально-этнического

¹⁰¹ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 24.

¹⁰² Там же. С. 36.

¹⁰³ Там же. С. 248.

¹⁰⁴ Там же.

единения»¹⁰⁵. А.С. Демин, в свою очередь, утверждает, что в «летописи названия «Русь» и «Русская земля» употреблялись то в широком смысле, обозначая все восточнославянские земли <...> то в узком смысле, и тогда обозначали лишь земли Поднепровья и Посемья. Однако в обоих случаях подразумевалась обширная территория, указывались некоторые общие черты облика Руси <...>»¹⁰⁶. Следовательно, с одной стороны, в «Повести» наблюдаем отражение архаических представлений о вариативности своего пространства, а с другой, такая вариативность начинает символизировать в древнерусской литературе существующую феодальную раздробленность, из-за которой страдало государство.

Автор «Слова о полку Игореве» скорбит о своей земле, раздираемой междоусобными войнами, которыми пользовались враги и «<...> побѣдами нарищуче на Рускую землю <...>»¹⁰⁷. В произведении Русь также изображается состоящей из большого количества княжеств, у каждого из которых свой князь. Призывая князей выступить в бой, автор обращается к каждому из них по отдельности, словно не может представить себе сплоченных действий всех сразу: «Ты, буй Рюриче, и Давыде! <...> Вступита, господина, въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы <...> Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! <...> Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы <...>»¹⁰⁸. В то же время неизменным остается призыв защищать свою землю, который свидетельствует не столько о сохранности архаических верований, сколько выражает общую идею произведения – осуждение

¹⁰⁵ Лотман, Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX в [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека русская литература и фольклор : Слово о полку Игореве – памятник XII века / отв. ред. Д. С. Лихачев; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – С. 330–405. – URL: <http://feb-web.ru/feb/slovo/critics/s62/s62-330-htm> (дата обращения: 01.08.2011).

¹⁰⁶ Демин, А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. – М. : Языки русской культуры, 1998. С. 138.

¹⁰⁷ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 378.

¹⁰⁸ Там же. С. 380–382.

междоусобных войн и призыв к единению перед угрозой иноземного вторжения.

Отголоски архаических верований прослеживаются в другом эпизоде. Если князьям необходим призыв, чтобы защищать Русь, то природа в нем не нуждается. В «Слове о полку Игореве» Донец поддерживает князя, а тот величает пограничную реку, помогавшую ему бежать от врагов: «Донец рече: «Княже Игорю! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселия!» Игорь рече: «О Донче! Не мало ти величия, лелѣявшу князя на вльнахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребренныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мьглами подъ сѣнию зелену древу»¹⁰⁹. Как и Днепр из былин, Донец помогает русскому князю, оберегая его. Этот эпизод, в котором ощущается влияние фольклора, сохраняет древние представления о том, что даже природа, одухотворенная, сочувствующая людям, защищает их родную землю от врагов.

И в «Повести временных лет», и в «Слове о полку Игореве» отражается древнейший принцип собирания пространства, согласно которому в первую очередь родной считалась территория дома, затем – родное княжество, после – вся Русь. Он был обусловлен реальной исторической картиной – процессом феодальной раздробленности Руси. Поэтому можно утверждать, что архаическая идея собирания пространства становится в древнерусской литературе художественным приемом, четче всего выражающим основную мысль: осуждение междоусобных войн.

Своя земля для книжника – это, прежде всего, земля христианская. Именно поэтому летопись изображает «благоденствующую Русскую землю, озаренную солнечным восходом после крещения»¹¹⁰. Подробно описывается деятельность крестившихся Ольги и Владимира, ведется рассказ о первых святых, Борисе и Глебе, основная идея которого заключается в защищенности страны и народа, возникшей в результате принятия

¹⁰⁹ Там же. С. 384–386.

¹¹⁰ Демин, А.С. О художественности древнерусской литературы / отв. ред. В.П. Гребенюк. – М. : Языки русской культуры, 1998. С. 139.

христианства, появлении целого полка заступников у Русской земли: «Нъ обаче сии великыи милъсърдыи Димитрии о единомъ градѣ сице извѣща, а вы не о единомъ бо градѣ, ни о дѣву, ни о вѣси попечение и молитву въздаета, нъ о всей земли Русьскѣи!»¹¹¹.

В дальнейшем идея защиты своих границ последовательно развивается во многих произведениях древнерусской литературы. О славе русских князей говорит митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати»: «Те в лета своего владычества мужеством и храбростью прославились в странах многих, и победами, и крепостью поминаются ныне и прославляются»¹¹². Эта патриотическая точка зрения, с позиций которой рассматриваются подвиги князей, защищающих родину, свидетельствует о высоком историческом сознании древнерусских авторов. Кроме того, князь Владимир описывается Иларионом как креститель Руси, что подчеркивает связь патриотической и религиозной идей: «Ты предал людей своих и город святой всеславной, скорой в помощи христианам святой Богородице»¹¹³.

«Слово о погибели Русской земли» вспоминает о неуязвимости границ Руси при Владимире Мономахе: «<...> се покорено было Богом крестияньскому языку поганьскыя страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю кыевьскому, деду его Володимеру и Манамаху, которым то половьци дети своя полошаху в колыбели». В произведении ощущается восхищение родиной, которая не только украшена городами и богатой природой, но и озарена светом христианства: «О, свѣтло свѣтлая и украсно украсена, земля Руськая! И многыи красотами удивлена еси: озера многыи удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами, крутыи холми, высокыи, дубравами, чистыи польми, дивныи звѣрьми, различныи птицами, бещисленныи города великыи, селы дивныи,

¹¹¹ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 300.

¹¹² Слово о Законе и Благодати // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. IV. Россия XI – XIX вв. / Нац. обществ.-науч. фонд, руководитель науч. проекта Г.Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – С. 40.

¹¹³ Там же. С. 41.

винограды обителными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!»¹¹⁴. Тревога о родной земле сквозит в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина: «<...> почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья <...>»¹¹⁵. Слова эти написаны не на русском языке, на чужом языке молится автор и об установлении на Руси справедливости.

Образ своей земли занимает значительное место в произведениях древнерусской литературы. Он связан с идеей объединения и недопустимости междоусобных войн. Древнерусские книжники восхищаются красотой родной земли, ее застроенностью, нерушимостью границ, в чем также слышны отголоски древних представлений о защите своей территории. В то же время родная земля уже немыслима без христианства.

Лекция 5 (2 час.)

Идея святости / нечистоты своей территории

Издревле язычниками особо почитались отдельные локусы своей земли. В первую очередь – земля, где покоились умершие предки. Те, кто ушел с мир иной, словно незримо присутствовали на кладбище, помогали живым советом, влияли на дальнейший ход вещей. Славяне (а впоследствии русские) верили, что могильная земля обладала особыми волшебными качествами, о чем свидетельствует ее применение в магических обрядах. Например, к корням сделанного в поле залома недоброжелатель сыпал землю с кладбища, чтобы наслать на семью болезни и смерть. Кладбищенской же

¹¹⁴ Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 130.

¹¹⁵ Хожение за три моря Афанасия Никитина / отв. ред. Я.С. Лурье – Л. : Наука, 1986. С. 53.

землей «лечились» от страха перед мертвыми, от тоски по ним. Существовала архаическая вера в святость дома и придомовой территории. Так, А. Голан упоминает обычай белорусов по освящению земли, на которой будет строиться дом: «<...> на земле изображался знак перекрещенного квадрата с точками в его четвертях <...>»¹¹⁶. Этот знак символизировал засеянное поле, сакральное значение которого – способствовать «прирастанию» семьи, рода.

В Ветхом Завете отражены представления, в соответствии с которыми Бог иногда указывает на особую святость того или иного места, осознаваемую людьми и отражающуюся в их сердцах чувством глубокого благоговения. Обычно на святом месте сооружался жертвенник, а при входе туда было принято снимать обувь. Следовательно, и Библия свидетельствует о наличии особо почитаемых территорий, святых земель.

С принятием христианства народное сознание соотносит архаические представления о сакральности могильной земли и идею христианской святости. Появляется представление о святости могильной земли, которая теперь уже обусловлена особыми душевными качествами покойных. В.И. Даль приводил пример народных верований, в соответствии с которыми земля с семи могил добродетельных людей может оберегать живых¹¹⁷.

С другой стороны, А.Н. Афанасьев утверждал, что вся своя земля осознавалась народом как святая, чистая субстанция¹¹⁸. Аналогичные представления отражаются и в Библии. Согласно им, вся земля Израильская является священной из-за незримого присутствия на ней Бога: «Не должно осквернять землю, на которой вы живете, среди которой обитаю Я <...>» [Чис. 35,34]. Глубокое благоговение перед Богом выражается в просьбе Неемана дать ему земли Израиля для сооружения жертвенника в Сирии [4 Цар 5,17]. Таким образом, почитание страны Господа прежними язычниками

¹¹⁶ Голан, А. Миф и символ / А. Голан. – 2-е изд. – М.: РУССЛИТ, 1994. С. 87.

¹¹⁷ Даль, В.И. Земля // Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : ТЕРРА, 1995. – ISBN 5-85255-489-8. – Т. 1 : А–З. – С. 678.

¹¹⁸ Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу : в 3 т. / А.Н. Афанасьев. – М. : Современный писатель, 1995. – Т. 1. С. 73.

переносится на землю этой страны, поскольку она впитала святость Бога. Представления о святости земли, вероятно, основываются на архаической идее вариативности пространства, при которой сакральность особых локусов постепенно распространяется на всю территорию.

К земле русские ходили каяться в грехах. Е.Е. Левкиевская, описывающая этот обычай, утверждала его масштабность, поскольку он не раз осуждался во время проповедей, где подчеркивалось, что каяться земле – это все равно, что каяться бездуховному болвану, – все грехи останутся, земля их отпустить не сможет¹¹⁹. С принятием христианства люди освящали поля для получения хорошего урожая и специально приглашали для этого священнослужителей: на поле устраивались крестные ходы и молебны, происходило освящение посевов и почвы. Приведенные факты подтверждают широкое распространение среди народа идеи святости родной земли, либо необходимости ее освящения. Эта идея была связана в народном сознании с представлениями о покровительстве земле Сил Небесных. Родную землю оберегали Богородица и святые, освящая ее своим присутствием.

Кроме своего святого или освященного пространства народ выделял гиблые территории, зачастую неосвоенные, которые имели небольшую локализацию и иногда располагались на своей территории. Так, ««нечистым» объявлялось также жилище, в котором произошли смерть или рождение, а потому оно по возможности удалялось от окружающих»¹²⁰. По верованиям древних славян, при родах или смерти открывались границы между мирами, а место, где это происходило, на некоторое время соприкасаясь с иным миром, становилось нечистым.

Осквернить землю могли заложные покойники: самоубийцы, колдуны. Считалось, что самоубийцы не изжили своего века, положенного им на

¹¹⁹ Левкиевская, Е.Е. Культ Матери-Земли // Левкиевская, Е.Е. Мифы русского народа. – М. : Изд-во Астрель ; Изд-во АСТ, 2002. С. 63.

¹²⁰ Еремина, В.И. Ритуал и фольклор / В.И. Еремина ; отв. ред. А.А. Горелов. – Л. : Наука, 1991. С. 45.

земле, оттого земля их не примет, колдуны при жизни знали с нечистой силой, были связаны с иным миром и, соответственно, также оскверняли землю. В стремлении избежать осквернения земли народ не закапывал заложных покойников.

В Библии обнаруживаем идею о том, что земля наполняется злодеяниями от людей: «И воззрел Бог на землю, и вот, она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле. И сказал Бог Ною: конец всякой плоти пришел пред лице Мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями<...>» [Быт. 6, 12–13]. Ее оскверняет пролитая кровь. Когда Каин убивает Авеля, Бог говорит ему: «Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли: и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» [Быт. 4,10–11]. Кровь Авеля «вопиет от земли самым действием разрушения, которое, по порядку природы, возбуждает против себя другие разрушительные силы»¹²¹. Земля, политая кровью, становится бесплодной, превращается в орудие наказания для убийцы. В качестве нечистых назывались особые территории за городом, куда выбрасывали вещи, зараженные язвами: «<...> священник прикажет выломать камни, на которых язва, и бросить их вне города на место нечистое» [Чис. 13,33].

Во многом библейские представления о нечистой земле перекликаются с древнейшими славянскими, и тогда нечистая земля воспринимается как территория, на которой проливается кровь, где царствуют болезни, захоронены нечистые покойники. Человек и земля были тесно связаны друг с другом, например, болезнь рассматривалась народом как следствие прегрешения против земли.

В то же время в народные представления о нечистоте отдельных территорий христианство вносит еще и духовный аспект, в соответствии с которым нечистой является земля, где господствует греховная, чужая вера. Народные легенды повествуют об изначальной святости всей земли: «<...>

¹²¹ Толковая Библия : Комментарий на все книги Священного Писания. – под ред. А.П. Лопухина, в 3-х т.; Т.1, 2001. С. 28–29.

Бог сотворил землю чистой и прозрачной, как бриллиант, когда Каин убил Авеля, то не мог спрятать тело и проклял землю: «Проклятая земля, почему ты не черная?», с тех пор земля почернела»¹²².

В былинах распространен устойчивый эпитет «Святая Русь», подчеркивающий идею изначальной святости своей / родной земли:

*«Помогите, Данила Игнатьевич,
Заступить за Русь святую,
За мать Пресвяту Богородицу!»¹²³*

Духовные стихи отражают смещение понятий «святая земля» (библейские земли) и «святая Русь», которые зачастую уравниваются между собой. В этом случае народ переносит события священной истории на Святую Русь, что наблюдается, например, в стихе «Страсти»:

*«Во городе во Руссе стоит церковь соборная,
Что соборная, богомольная.
Во той церкви Христос Бог распят <...>»¹²⁴.*

В сказках идея святости родной земли прослеживается, но довольно слабо, ярче выражен образ проклятой территории, который соотносится с воздействием иного мира, с кровопролитием (общекультурные представления), либо с языческой религией (влияние христианства) и сохраняется и в конце XX в.

В древнерусской литературе идея святости родной земли тесно связана с образами святых. Она отражена в эпизоде из «Повести временных лет», посвященном путешествию св. апостола Андрея Первозванного, который, как утверждает М.Н. Виролайнен, «приобщил благодати не только Русскую землю как таковую, но и все основные ее пространственные координаты»¹²⁵,

¹²² Народная Библия : Восточнославянские этиологические легенды / сост. и коммент. О.В. Беловой, отв. ред. В.Я. Петрухин. – М. : Индрик, 2004. С. 110.

¹²³ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1991. С. 146.

¹²⁴ Голубиная книга : русские народные духовные стихи XI–XIX вв. / сост., вступит. статья, примеч. Л.Ф. Солощенко, Ю.С. Прокошина. – М. : Моск. рабочий, 1991. С. 187.

¹²⁵ Виролайнен, М.Н. Исторические метаморфозы русской словесности / М.Н. Виролайнен. – СПб. : Амфора, ТИД Амфора, 2007. С. 66.

сделав значительный круг на пути из Корсуня в Рим: «Ондрѣю учащю въ Синопии и пришедшю ему в Корсунь, увѣдѣ, яко ис Корсуня близъ устье Днѣпрское, и въсхотѣ поити в Римъ, и проиде въ вустье Днѣпрское, и оттоле поиде по Днѣпру горѣ»¹²⁶. Апостол во время своего путешествия стремится обойти границы Руси, посетить Киев, будущий центр, освятив их своим присутствием: «Видите ли горы сия? – яко на сихъ горах восияеть благодать Божья, имать градъ великъ бытии и церкви многи Богъ въздвигнути имать». И въшедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ, и помоливъся Богу, и сълѣзъ съ горы сея, идеже послѣже бысть Киевъ <...>»¹²⁷. Таким образом происходит христианизация пространства. В Ипатьевской летописи при рассказе о походе князя Игоря отражаются представления о защите земли Богом и Богородицей, теперь они приходят на помощь во время битв: «Половци же, узрѣвше Володимеръ полкъ, крѣпко идущъ на них, и побѣгоша, гоними гнѣвом Божиимъ и Святѣй Богородицѣ»¹²⁸.

Образ русской земли, освященной похороненными в ней христианскими святыми, создается в «Сказании о Борисе и Глебе». У могил князей происходят чудеса исцеления: «Блаженная църкы, въ ней же положенѣ быста рацѣ ваю святѣи, имущи блаженѣи телеси ваю <...> въторыи Селунъ явися въ Русьскѣ земли, имыи въ себе врачество безмъздное, не нашему единому языку тъкъмо подано бысть Бъгъм, нъ и въсеи земли спасение»¹²⁹. В «Сказании о Мамаевом побоище» русским помогают святые. В.М. Кириллин убежден: противоборство между Русью и монголо-татарами это противоборство между христианством и безбожием¹³⁰. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» говорится, что святые даны Богом для спасения

¹²⁶ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 26.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 346.

¹²⁹ Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 300.

¹³⁰ Кириллин, В.М. Таинственная поэтика «Сказания о Мамаевом побоище» / В.М. Кириллин. – М. : Языки славянской культуры, 2007. С. 42, 43.

города, а у их могилы совершаются чудеса исцеления: «<...> еже есть дал Бог на просвещение и на спасение граду тому: иже с верою пририщуще к мощем их, неоскудно исцеление приемлют»¹³¹.

В древнерусской литературе упоминалось и об оскверненных территориях. В «Повести временных лет» рассказывается об осквернении земли языческими требами, во время которых проливалась кровь: «И жряху имь, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холмо-тъ. Но Преплагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ, на томъ холмѣ нынѣ церкви стоять, святаго Василья есть <...>»¹³². В тексте подчеркивается, что оскверненные территории необходимо освятить, что и осуществлялось: на месте языческих капищ возводились христианские церкви. Идея недопустимости братоубийственных войн, по мнению Д.В. Айналова, просматривается в той части «Повести», где говорится о могиле Святополка окаянного, из которой исходит смрад¹³³. Тело князя, убившего братьев ради престола Киева, пролившего родную кровь (т.е. совершившего преступление против рода), оскверняет землю, где оно захоронено: «Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрадъ золь. Се же Богъ показа на наказанье княземъ русьским <...>». Можно предположить, что в действиях Святополка Окаянного древнерусский писатель видит прямую параллель действиям библейского Каина. В то же время, в этом эпизоде прослеживаются отголоски архаических представлений, по которым нечистота покойного обуславливала и нечистоту места захоронения.

В древнерусской литературе прослеживается мысль, что грешную землю могут захватить враги, нашествие которых воспринималось народом

¹³¹ Изборник : сборник произведений литературы Древней Руси / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1969. С. 462.

¹³² Памятники литературы Древней Руси : Начало русской литературы. XI – начало XII века / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1978. С. 94.

¹³³ Айналов, Д.В. К истории древне-русской литературы [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН : Академия наук СССР, труды отдела древне-русской литературы инст-та литературы – III. – URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6323> (дата обращения: 01.09.2011).

как божественное возмездие. И самый тяжкий грех – междоусобицы. Они осуждаются в «Слове о полку Игореве»: в золотом слове Святослав с болью говорит, что русские князья стремятся только к собственной выгоде, не желают объединяться. Раздробленностью пользуются враги и приносят Русской земле многочисленные беды¹³⁴. Свое пленение Игорь рассматривает как наказание за кровопролитные междоусобные войны. Летопись приводит его слова: «Поманухъ азъ грѣхы своя предъ Господомъ Богомъ моимъ, яко много убийство, кровопролитье створихъ в землѣ крестьянстѣй, якоже бо азъ непощадѣхъ хрестьянъ, но взяхъ на щить городъ Глѣбовъ у Переяславля»¹³⁵. В «Повести о битве на реке Калке» говорится о нашествии врага как наказании за грехи: «Въ лѣто 6732. По грѣхомъ нашимъ приидоша языци незнами, безбожнии моявитяне <...>»¹³⁶.

Произведения древнерусской литературы отражают народные представления о святости родной земли. Она освящается деяниями святых, присутствием Бога и Богородицы, защищающих землю. Во многих произведениях обнаруживаем идею осуждения княжеских междоусобиц, которые оскверняют землю пролитием братской крови. В «Повести временных лет» говорится и о скверне язычества.

Таким образом, издавна у язычников существовала архаическая идея сакральности своей земли и ее особых территорий (дома, кладбища). С принятием христианства в народном сознании происходит соотнесение христианской идеи святости земли и языческой идеи сакрализации определенных локусов. Из-за идеи вариативности пространства вся земля начинает осознаваться как святая. Наравне с этим в своем пространстве выделялись нечистые, гиблые территории, имеющие небольшую локализацию.

¹³⁴ Памятники литературы Древней Руси: XII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, сост. и общ. редакция Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1980. С. 380.

¹³⁵ Там же. С. 356.

¹³⁶ Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева, общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. С. 148.

Анализируя принципы отражения картины мира в фольклоре и древнерусской литературе, мы приходим к следующим выводам:

- Русская картина мира основана на архаических представлениях, характерных для большинства мировых культур.
- Христианство оказало сильнейшее влияние на формирование русской национальной картины мира.
- Чтобы реконструировать основные составляющие национальной картины мира, необходимы сопоставительный анализ текстов как фольклора, так и литературы (переводные и оригинальные произведения), изучение невербальной культуры.
- В основе русской народной картины мира лежит архаический комплекс представлений о земле.